

О ГЛАВЛЕНИЕ

ПОЕЗД	9
ОРАНЖЕРЕЯ	24
ОСТРОВОК	41
ГУВЕРНАНТКА	67
МАЛЕНЬКИЙ НАРОДЕЦ	94
ГОРБАТЫЙ КАМЕНЬ	115
ДЖЕРАЛЬД	144
СЕСТРА ВЕРОНИКА	168
МАЛЬЧИК-ШЕПТУН	186
ТРЕЩИНА	207
ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ	225
ЕЩЕ ПАРА ПУГАЮЩИХ ДО ДРОЖИ ИСТОРИЙ	
ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ОТДЫХА	238
ГОЛОС	242

Х. С. с благодарностью

ПОЕЗД

Это было мое первое самостоятельное путешествие по железной дороге. Мачеха поехала провожать меня на вокзал и принялась донимать непрошеными объятиями, поцелуями и сюсюканьем, которые служили у нее проявлениями нежности.

Мой отец был на войне, сражался с бурами под палящим солнцем Южной Африки, и я бы с радостью присоединился к нему, лишь бы ни на секунду не оставаться с его надоедливой нудной женой. Хотя наши с отцом отношения тоже едва ли можно назвать близкими.

Однако, к моему счастью, каникулы все же подошли к концу, и теперь я отправлялся в новую школу. В обычных обстоятельствах я, без сомнения, волновался бы из-за этой перемены, однако недели

с мачехой оказались тяжким испытанием и закалили и укрепили мой характер настолько, что я был готов к встрече с любыми возможными трудностями. Я не боялся ничего.

По крайней мере, так мне казалось.

Мы ждали на платформе почти полчаса: мачеха настояла, чтобы мы приехали до абсурдного рано, — так сильно она беспокоилась, что я опоздаю на поезд.

Мы сидели на платформе на деревянной скамье. Беседа иссякла, и я читал «Иллюстрированный Лондон Ньюс», а мачеха дремала. У нее невероятная способность засыпать в мгновение ока. Стоит обычному распорядку прерваться — и вот она уже спит. Готов поклясться, что в ней больше от кошки, чем от человека.

Я огляделся. Довольно приятное солнечное утро, непримечательная станция в сельской Англии. Пока мы сидели, прибыли трое или четверо пассажиров, а по платформе взад и вперед ходил начальник станции, тучный и бородатый. Каждые две минуты он взглядывал на часы, улыбался и дотрагивался до шляпы, приветствуя каждого, кто шел мимо.

По правде говоря, все было совершенно заурядно и до ужаса спокойно — пока мачеха, сдавленно вскрикнув, вдруг не очнулась от своей кошачьей дремоты: этот вскрик заставил меня подпрыгнуть на несколько дюймов и привлек к нам обеспокоенные и смущенные взгляды других ожидающих поезда пассажиров.

— Ради всего святого. — Я покраснел и изо всех сил старался не встретиться взглядом ни с кем из окружающих. — На нас все смотрят.

— О! — Мачеха повернулась ко мне с весьма безумным видом и дико вытаращила глаза. — У меня только что было ужаснейшее видение!

Самое время упомянуть, что она считала себя наделенной подобным даром.

— Вам приснилось, — ответил я и улыбнулся смотревшему на нее джентльмену, который, судя по выражению лица, задавался вопросом, не сбежала ли эта дама из лечебницы для душевнобольных, — надо сказать, не без основания.

— Но, дорогой мой, я явственно ощутила присутствие опасности, смертельной опасности, — сказала она, глядя на меня все в том же смятении.

— Что вы такое говорите, мадам? — прошипел я.

— Я предпочла бы, чтобы ты не называл меня так. — Она прижала ладони к вискам.

Я прекрасно знал, что ей это не по душе, но ни за что на свете не назвал бы ее матушкой, как она того хотела.

— Так что за опасность? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она. — Я вижу... Вижу поцелуй.

— Поцелуй? — Я рассмеялся. — Они, кажется, неопасны — по крайней мере, не смертельно. Разве что мне придется целоваться с крокодилом.

— Поцелуй, — повторила она. — И тоннель — длинный, темный, жуткий тоннель...

— Меня ждет поцелуй с тоннелем? Что ж, это, пожалуй, немного опасно, — сказал я с издевательской ухмылкой.

Однако мачеха продолжала смотреть на меня самым странным образом, и каким бы смехотворным ни казалось ее заявление, что-то в ее взгляде настояживало, и я поневоле отвернулся.

Опять это ее «видение». Такое же смутное, как и обычно. Я вздохнул и посмотрел на пути, желая, чтобы поезд пришел поскорее. Я всем сердцем хотел уехать от нее подальше.

— Вы заснули. Это был всего лишь сон. — Мне с трудом удавалось скрыть презрение. — Или сновидение, или что там обычно снится, когда решаешь вздремнуть на вокзале среди бела дня.

Мой тон возмутил мачеху.

— Будь добр, не говори со мной так, — сказала она.

— Если я вас оскорбил, прошу простить, — ответил я и отвернулся.

Но я совсем не раскаивался.

С путей раздался свисток, возвестивший скорое прибытие моего поезда. Какое облегчение! Я поднялся на ноги.

— Что ж, мне пора.

— Мой дорогой мальчик. — Мачеха кинулась мне на шею самым вульгарным образом.

— Прошу вас. — От неловкости я поморщился. — Люди смотрят.

Наконец я выпутался из ее объятий и, подхватив сумку, направился к вагону. Она схватила меня за рукав.

— Я бы предпочла, чтобы ты поехал другим поездом.

Я не остановился.

— После того, как мы прождали здесь почти час? Вот еще.

Нет уж, я больше ни на миг не задержусь на этой платформе! Я ступил в вагон и с силой захлопнул дверь, надеясь тем самым отчасти продемонстрировать свои чувства. Сквозь стекло в верхней части двери я видел, как мачеха одной рукой прижимала к лицу носовой платок, а другой обмахивалась на манер веера, словно вот-вот упадет в обморок (разумеется, исподтишка озираясь в надежде на публику).

Клубы пара скрыли ее — немало поразовавшая меня иллюзия, — но, когда поезд тронулся, я мельком увидел, как она лихорадочно машет вслед, и, притворившись, что не замечаю ее, отправился искать себе место.

Я пошел по коридору, заглядывая в купе, пока не обнаружил одно со свободным местом у окна. Единственным его пассажиром был строгий джентльмен с военной выправкой и красным лицом, тяжелым, выдающимся вперед подбородком и пышными усами. Назовем его Майором. Я вошел, и он кивнул в знак приветствия.

— Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам, сэр? — спросил я.

— Нисколько, — ответил он, выпрямляясь при моем приближении как по команде «смирно».

Я улыбнулся, поблагодарил его и положил сумку на багажную полку над сиденьем. Майор шумно втянул носом воздух.

— Если только у тебя нет привычки насвистывать, — продолжил он, когда я уселся.

— Прошу прощения, сэр?

— Насвистывать, — повторил он. — Не выношу свистунов. Терпеть не могу, когда свистят, знаешь ли.

— Нет, сэр, — уверил его я. — Такой привычки у меня нет.

— Рад слышать. — Он снова засопел. — Многие молодые люди этим грешат.

— Я не из таких, сэр.

— Вот и чудно.

Я улыбнулся и посмотрел в окно, надеясь, что это положит конец странной беседе, и, к счастью, так оно и случилось. Майор взял номер «Таймс», лежавший у него на коленях, развернул и стал читать, то хмыкая, то что-то восклицая.

Поезд то и дело останавливался на станциях, столь же чопорных и заурядных, как та, с которой уезжал я. После каждой остановки в вагоне прибавлялось по пассажиру.

Первым к нам с Майором присоединился епископ (по крайней мере, я буду звать его так). Дородный круглолицый священнослужитель поздоровался, сел

рядом со мной, вынул из портфеля стопку исписанных листов и принялся их изучать, время от времени делая пометки самопишущей ручкой.

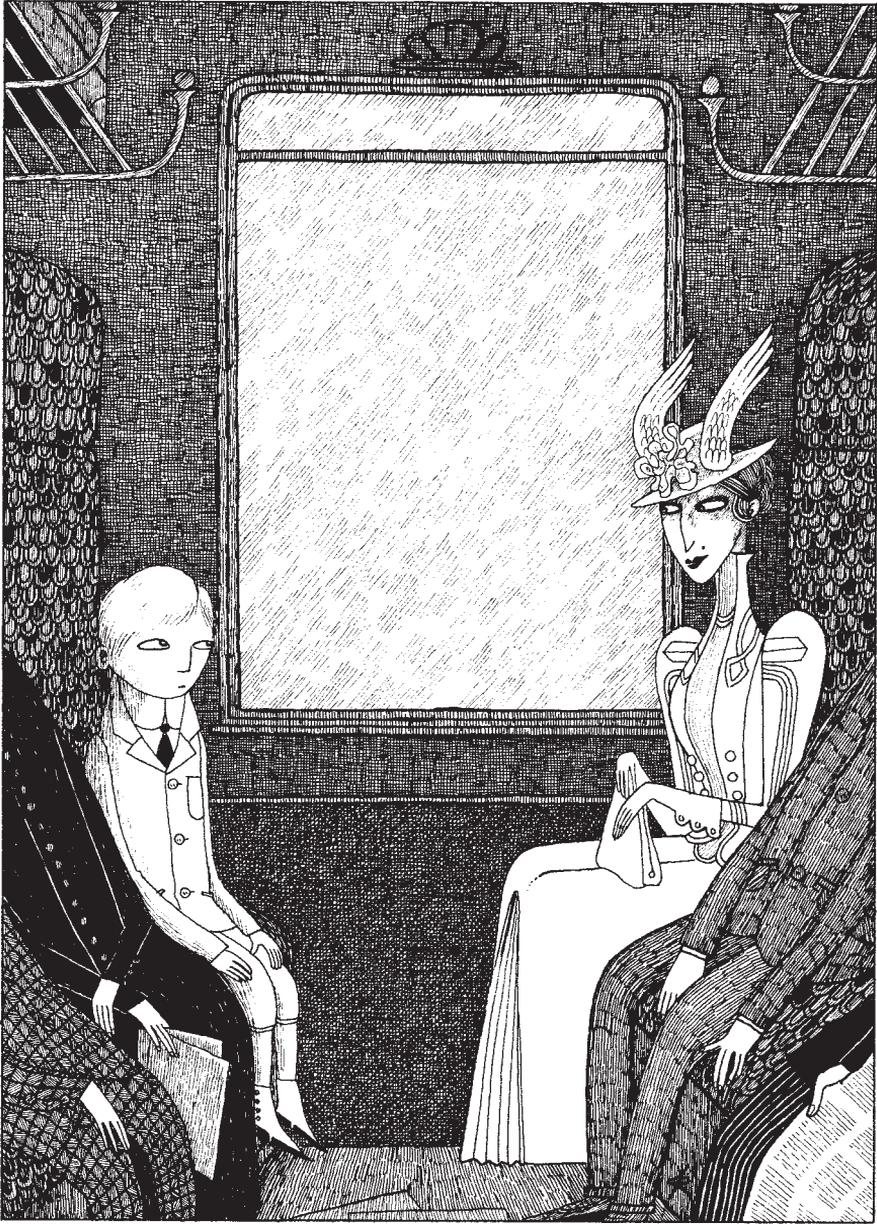
Следом в купе появился низенький поджарый человек — фермер, решил я. Он разместился напротив Епископа, рядом с Майором. Пока он усаживался, мы все покивали друг другу в знак приветствия. Руки Фермера, очевидно, были привычны к тяжелой работе, а его обувь, вычищенная без особого тщания, являла следы свежей грязи.

На другой станции в купе вошел высокий, мертво-бледный джентльмен. Этот господин — хорошо одетый, с длинными бледными пальцами и таким же лицом — был шапочно знаком с Майором. В руке он держал номер журнала «Ланцет»: без сомнения, хирург, направляющийся на Харли-стрит*. Он сел рядом с Епископом, напротив Майора. Второе место у окна — напротив меня — осталось незанятым.

Вдруг я почувствовал некоторое изнеможение. Возможно, меня утомило возбуждение от самостоятельного путешествия, или виной тому было теплое солнце, светившее в окно вагона. Я закрыл глаза.

Открыв их, казалось бы, всего через мгновение, я понял, что, должно быть, проспал некоторое время, ведь напротив меня теперь сидела женщина — довольно красивая, но строгой красотой.

* Харли-стрит — улица в Лондоне, получившая в XIX веке известность благодаря тому, что там открывали практику врачи самых разных специализаций. — *Здесь и далее прим. пер.*

Она была молода, ненамного старше меня. Рыже-волосая, очень бледная и стройная, с удлинённым лицом и высокими скулами. Вся ее одежда, начиная от туфель и заканчивая шляпой, была белой.

Я улыбнулся и кивнул, и она улыбнулась в ответ, но от пристального взгляда ее зеленых глаз мне стало не по себе.

Я снова кивнул и оглядел остальных пассажиров купе, которые — все до единого — крепко спали; забавно, но Майор с каждым выдохом присвистывал.

Еще одна перемена заключалась в том, что поезд остановился, хотя никакой станции видно не было. Прижавшись лицом к стеклу, я увидел, что локомотив стоит прямо перед въездом в тоннель, а вагоны выстроились у подножия громадной выемки*. Ее высокие крутые откосы почти закрывали небо, и потому на поезд будто опустились в сумерки.

Я вспомнил постыдную истерику мачехи и потряс головой. Воображаю, с каким удовольствием она бы сказала: «Я же говорила». Однако, как ни раздражала непредвиденная остановка, едва ли она представляла собой какую-либо опасность.

Сидящая напротив женщина по-прежнему смотрела прямо на меня и улыбалась так беззастенчиво, что я почувствовал, как краснею.

— Где мы находимся, мисс? Вы, случайно, не знаете? Было ли объявление?

* Выемка — заглубленный участок дороги, для сооружения которого вынимают грунт. Получается своего рода длинная яма с земляными стенками.